

Вера
САВЕЛЪЕВА

профессор КазНПУ имени Абая

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ НАСТОЯЩЕМУ РОМАН-АНТИУТОПИЯ ГЕННАДИЯ ДОРОНИНА

Геннадий Доронин в подзаголовке своего произведения «Реальность номер один», опубликованного на страницах журнала «Простор» в 2014 году, называет его «роман-пародия». Сатирическое, ироническое, пародийное, действительно, определяют содержание и стиль романа, но его жанровая сверхзадача, по-моему, – это представить картины жизни Земли в относительно недалеком будущем накануне экологической катастрофы, которая уничтожит всё. Футурологические прогнозы автора неутешительны. Люди также несовершенны, управляемы, коварны и простодушны одновременно, их легко подчинить хлебом, обмануть тайной или обольстить чудом. Андроиды, разумные механизмы, генетические мутации и технические открытия не улучшили жизнь, а привели к еще большему социальному расслоению землян. Все это и многое другое, о чем пойдет речь в статье, позволяет мне назвать «Реальность номер один» антиутопией.

Этот жанр крайне востребован современной литературой. Если в основе утопии лежит оптимистическая вера в возможности разумного развития цивилизации, то антиутопия, наоборот, представляет катастрофические картины ее возможной эволюции. В антиутопии Г.Доронина объединились элементы научной и гротесковой фантастики, социальной сатиры и экологического прогнозирования.

Действие романа происходит на планете Земля. Всем известно, что планете грозит катастрофа. «Старая планета едва-едва терпела на себе людей: то цунами накатит, то вулканическим пеплом засыплет целое полушарие, то три года поливает дождем пополам со снегом. А в прошлом году на коралловых островах принялась расти древовидная картошка, а вслед за картошкой начал размножаться злобный колорадский жук, который страшнее саранчи. Плоды у этой картошки крупные – с арбуз, но растут высоко, убирать трудно, много людей во время уборки побилло. Пришлось срочно изобретать специальный картофелеуборочный комбайн, который был похож на пожарную каланчу. Колорадский жук тоже не подарок – кусачий, как кобра, правда, жирный... А в последнее время в пустынях стали сами по себе – без дождей, без наводнений – разливаться озера с коричневой газированной водой; вода эта была кристально чистой, если не считать коричне-вый осадок, и соленой, а главное – необыкновенно вонючей. Вода эта убивала все живое, хотя, честно говоря, живого в пустынях было немного, в основном

одичавшие верблюды, ядовитые, как каракурты. Знающие люди говорили: должно быть, звезда взорвется, вспыхнет сверхновой. А звезда эта – Солнце». На Земле принято решение о том, чтобы оставить родную планету. Даже старики уже с этим не спорят.

Разрабатываются разные варианты спасения. Например, в секретной космической лаборатории ученые сумели построить искусственную автономную планету, на которой можно в открытом космосе пережить катастрофу. Но такая планета со всеми удобствами для одной семьи стоит сто миллионов мань – а это очень дорого. Более приемлемый выход – это строительство космических ракет по секретному плану «Ковчег», которые увезут людей с земли.

События в романе развиваются в трех параллельных сюжетных линиях. На секретном Полигоне, который расположен в степях Казахстана, где кипит работа над грандиозным космическим проектом по созданию Ковчегов для переселения землян. В покоях циничного и коварного императора Ликурга Шестнадцатого, который подозревает в измене всех и цинично уверен в своей безнаказанности и защищенности. Наконец, в большом пространстве среди полуразрушенных городов и в подземном мире, столицей которого является город Майна, где скрываются бунтари, зараженные радиацией, и мутанты. Майна – это особое место, где, по выражению одного фантастического персонажа романа, «не живут, а прячутся». В Майну можно попасть из разных мест, но герои романа попадают в Майну через озеро. То есть город открывается им как новый град Китеж. «В это время как будто землетрясение всколыхнуло берега озера, земля вырвалась из-под ног, в почве образовались трещины. Егорий, пытающийся удержаться на ногах, заметил, что трещины как бы обозначают на земле правильные геометрические фигуры – квадраты, прямоугольники, треугольники. В центре озера образовалась воронка – сначала небольшая, едва заметная, но она быстро увеличилась, в нее с шумом начала уходить вода. На берег прибежали исполошившиеся Натаха и Артур. Егорий даже не посмотрел в их сторону. Тем временем образовавшиеся на земле геометрические фигуры пришли в движение, как автомобили в час пик, и они явно старались занять свое место в иерархии треугольников и квадратов.

– Что это? – спросила Натаха.

– Думаю, что перед нами открываются подводные ворота в Майну, город беглецов и отверженных, – сказала крыса. – Здесь величайшие изобретения местных ученых, эпохальные открытия, невиданные прозрения человеческого гения направлены на то, чтобы спрятаться ото всех, закопаться, замаскироваться. Чтобы никто не увидел, чтобы никто не услышал, чтобы никто не догадался. Здесь не живут, а прячутся...»

В романе несколько главных персонажей. Девушка Натаха, как ее звали в детстве, а сейчас конструктор Наталья Павловна выполняет в лаборатории Полигона важную секретную миссию по разработке «гайки повышенной прочности», которая должна выдерживать 15 тон веса. Как только будет приготовлено достаточное количество гаек повышенной точности и прочности, начнется сборка Ковчегов Надежды. Свою молодость, красоту, здоровье Натаха отдает выполнению этого секретного задания, но в своих мыслях эта красавица-девица мечтает о Егории, друге детства, с которым росла вместе на маленьком полустанке. Жизнь развела их, но и Егорий, который стал знатным станочником, не забыл свою землячку. Конечно, Натаха создает такую гайку. Ее пытается обольстить и запугать коварный

технорук Пахом Пахомыч, который знает, что Ковчег «будут строиться только для людей высшей очистки, безупречной верности и эволюционной ярости». Он говорит испуганной Наталье: «Ни андроиды, ни дебилы, ни люди бункеров и шахт – вся эта бунтовщицкая шваль – на них не попадут! Грядет великий очищающий Отбор!» Как в сказке, Егорий является в самый нужный момент и спасает красавицу. Теперь они оба и приятель Егория Артур, выросший на Майне, оказываются беглецами и преступниками. Читатель становится свидетелем истории преследования врагов империи.

Автор не случайно выбирает для своего героя имя Егорий. Георгий – имя знаковое в русском фольклоре и славянской мифологии. Георгий Победоносец выступает как покровитель скота, воин и змеборец (драконоборец). С 14 века Георгий на коне рассматривается как покровитель Москвы, а с 1769 года в России был учрежден военный орден св. великомученика и победоносца Георгия, в 1913 – военный Георгиевский крест. В духовном стихе о «Егории Храбром» Егорий терпит мучения за веру и 30 лет проводит в подземной темнице. Все завершается богатырским поединком с «царищем Демьянищем».

В романе Г.Доронина одним из врагов Егория выступает Генеральный Куратор Полигона Демьян Третий. Бунт, на который решается Егорий, сочетает славянское отчаяние, французское вольнодумство и европейское рыцарство. Не случайно с детства в его воображении существуют слова «ратуша», «Бастилия, которую все время штурмует разгневанный народ, возглавляемый храбрым Гаврошем».

В стиле романа, разбитом на шестнадцать глав, существенная роль отводится лингвистической игре со словами, которые, как ясно из контекста, определяют речевое сознание персонажа и, очевидно, языковую личность автора-повествователя. Уже в первых строчках сообщается о том, что с детства Егорий любил слушать сверчка и был очарован словами, смысла которых никто из окружающих не мог ему объяснить.

Сверчок – это сакральный образ для русской культуры. Во-первых, потому, что это прозвище юного Пушкина, которое он получил в литературном обществе Арзамас от своих старших поэтов-современников. Вот почему одно упоминание сверчка как бы являет нам весь Золотой век русской поэзии. Заметим, что и в поэзии XX века этот образ продолжает свое существование (например, в поэзии А.Тарковского). Сверчки, играющие на скрипочках, – один из наиболее неоромантических образов поэзии Б.Окуджавы. Во-вторых, сверчок – это персонаж фольклора и многих рождественских историй. Сверчок, в зимнее время живущий за печкой, очагом (как в книге А.Толстого о Буратино), – символ теплого домашнего человеческого мира, уюта и тайны. В конце горького романа М.Булгакова «Белая гвардия» мальчик Петька видит чудесный сон об алмазном шаре: «От удовольствия он расхохотался в ночи. И ему весело стрекотал сверчок за печкой». Образ сверчка и любовь к словам раскрывают не только сущность персонажа, но и подсказывают расшифровку творческого генетического кода самого автора романа.

Лексикон слов, которые завораживали Егория с детства и, видимо, в дальнейшей жизни, автор разбивает на тройки. Тройки таких слов, набранных курсивом, прошивают текст романа, то есть вставлены внутрь глав, как стихотворные строчки. Сначала это «Шпиндель, шпатель, сулема...», потом «Кардамон, реферат, яранга...», далее «Айсберг, рефрижератор, степлер...» и другие. Последняя

тройчатка в пятнадцатой главе: «Балаган, батарея, орда...». Разрывающие сюжетное повествование и диалоги персонажей, эти слова напрямую редко связаны с контекстом, а точнее сказать, что связаны с ним абсурдно, ассоциативно и условно. Это тройки слов, как три кнопки, которые вдруг позволяют переключить сознание читателя, отвлечь его внимание от повествования. Большинство этих слов нельзя отнести к общеупотребительной лексике. Они редко принадлежат к одной области (исключение, например, «Роман, трилогия, верлибр...»), чаще – к разным («Кювет, планшет, па-де-де...»). Признаюсь честно, за толкованием трех слов я обратилась к словарю.

В романе есть три главы, на примере которых можно продемонстрировать лингвистическое остроумие автора романа, а также философскую его парадигму, скрытую за явной сатирой. Они называются «Атомное одиночество», «Одинокое одиночество», «Горькое одиночество». Предварительно читателю сообщается, что ученые Полигона выделили, изучили и описали триста видов одиночества, но рассказ пойдет только о трех. Символом атомного одиночества стала радиоактивная бабочка, которая подверглась мутации и наводила ужас. «Эти бабочки – красивые, как пятнистые змеи, – исчезли с Полигона сразу после того, как взорвалась тринадцатая пусковая. Тогда же исчезли и муравьи, но их никто не заметил. А бабочки были приметные, жалко, что они пропали, без них по вечерам стало еще тоскливее... Но однажды они вернулись. Уже после взрыва на шестнадцатой и пожара на сто пятидесятой-бис. Все уже забыли о них, а они появились. Стали еще красивее, наряднее и, кажется, крупнее – примерно с подушку. Не бабочки, а целые планера». «Радиоактивные бабочки научились скрываться от метких стрелков и стали забиваться в подземные бункеры, а там – на беду дежурным, но всеми позабытым ракетчикам – стрельба была строго запрещена, даже из рогаток. <...> Можно было только предполагать, что чувствовали подземные ракетные сидельцы, глядя с ужасом, как порхают с пульта на пусковые кнопки и снова на пульта смертоносные насекомые. Вот оно, атомное одиночество!...»

«Одинокое одиночество» – это глава, содержащая мужские издевки по поводу женского одиночества перерзрелой девицы Натахи. В объяснении «горькому одиночеству» заложена реализованная метафора. Люди впадали в него, когда съедали нежные ягоды черники, которые после запуска многоступенчатой ракеты стали бесцветными и горькими, как хина. Это вкусовое ощущение объясняет прямое название одиночества. На людей эта ягода действовала необыкновенно. «Один, съев всего-то пригоршню, стал летать – неуклюже, не как орел или журавль, но все-таки получил возможность передвигаться по воздуху, как воздушный шар. Это ему оказалось кстати, потому что там, где он жил, от землетрясений пришли в негодность все дороги, стало невозможно ходить, да и обувь быстро изнашивалась. А по воздуху-то и приятнее». Другой стал невидимкой, но не совсем. «Какую бы он ни надевал одежду, она становилась прозрачной, как стекло, и все видели его совершенно голым. А если он все снимал с себя, то становился невидимым». Кто-то «продвинулся на ниве селекции». «В домашних условиях сумел скрестить крысу с черепахой, так что получилась броневойная крыса. Селекционер был награжден медалью «Жизнь на пользу Отечеству» четвертой степени, а выведенные крысы взяты в распоряжение военного ведомства».

Самоирония автора обнаруживается в истории о том, как некто Петро, съев черники, принялся сочинять романы. «Ни с того ни с сего. Копался на грядках –

баклажаны не задались – и вдруг пошел к кадке с дождевой водой, руки вымыл, да с мылом, вытер их насухо и пошел в дом. Клава, сожительница его, удивилась, чего он надумал? Уж не бутылка ли у него на чердаке припрятана?» На вопросы всполошившейся подруги Петро ответил: «Разве это занятие запрещено? Хвала Дисциплинарию, мы живем в свободном мире. Каждый может написать хоть повесть, хоть поэму – и опубликовать свое творение... Сколько уж можно горох с фасолью выращивать, пришла пора и за роман взяться. А ты садись, скажем за веночек сонетов...»

Но странны были не только превращения, но и то, что все, отведавшие черники-горчички, пропали. «Не сразу, не все скопом, но постепенно улетучились куда-то. О них и вспоминали не сразу, их и не искали, о них не писали в газетах, как будто и не было таких людей». Так, читатель понимает, что переносное значение эпитета «горькое» связано с ситуацией социальной изоляции, к которой приводит избранность и особенность людей, отведавших ягоды. Тем более, когда читатель узнает, что всех описанных и неописанных видов одиночества очень опасаются «стражи государства». «Именно поэтому Депутаты высокого Дивана приняли закон против всех форм одиночества. Причем предполагалось карать одиноких строго: для первого случая – в урановые рудники, а если не поможет – расстрел резиновыми пулями. Широкая общественность одобрительно отнеслась к проекту нового закона. Все и всегда делается для людей». Щедринская горькая ирония слышится в этих свидетельствах повествователя.

В основе фантастического государства будущего, описанного в романе, лежит западный вариант римской империи и восточный тип деспотии. Г.Доронин создает откровенную сатиру на абсолютную и тоталитарную власть, которая опирается на послушный ей аппарат. Империя живет по законам Дисциплинария и Манифеста Прав и Обязанностей Человека, «в котором обязанности занимали пятьсот страниц, а права две строчки». В романе неоднократно произносится хвала «нашему любимому Куратору-Императору, Живущему для Народа, Ликургу Шестнадцатому». В девятой главе романа «Утро императора» описано пробуждение Ликурга Шестнадцатого, который в обстановке повышенной секретности требует от начальника охраны Димона расследования причин появления патрона от винтовки, давно вышедшей из употребления, на полу в своей спальне. Димон ведет расследование с особой жестокостью, привлекает тринадцать тысяч сыщиков, потомков Шерлока Холмса. «Правнуки, внучатые племянники, один даже назвался отцом чудака с Бейкер-стрит, взаправду старый, немощный, но очень сварливый. Он, кстати, определил возраст винтовочного патрона, попробовав свинцовую головку на зуб». «В ход пошли подкупы, пытки, глубокая слежка, эвристические допросы, облавы. Были арестованы семьсот сорок тысяч подозреваемых, большинство из них признались». «В общем, информация пошла к Димону косяком – устная, письменная, записанная на современных носителях. Буквально за неделю были заполнены все тюрьмы, даже лунные и марсианские. Быстро удалось выяснить, что винтовочный патрон принадлежал некогда загадочной личности, которого звали Фиолетовый». В процессе поисков находят дневник записей, принадлежавших какому-то Фиолетовому.

Интрига романного повествования построена так, что чтение фрагментов записок раскрывает читателю глаза на ретроспективные события жизни императора-самозванца, в прошлом того самого Фиолетового. Дневник Фиолетового – это

своеобразное зазеркалье императора Ликурга. Узнаем мы и обстоятельства свержения предыдущего императора Октавиана Второго, Живущего для народа. Ликург – актер и самозванец, скрывающий лицо за белой маской. Его приход к власти случаен и тайна для всех. Место, где он размышляет и пребывает наедине с собой, спасаясь от свидетелей, – это огромная библиотека из девяти уровней. Не откажу себе в удовольствии привести два больших фрагмента, в которых она описана. «Он нажал на кнопку, вызвал подъемную корзину и на ней поднялся на второй уровень – к периодике всех времен и народов. Он давно уже ничего не читал, тем более периодику. Он был сам автором всей периодики, новостей, творцом истории. Здесь, на втором уровне, на высоте двадцати километров, в бесконечном лабиринте стеллажей своей библиотеки, он привык размышлять. О себе, об империи, о себе... Он забирался в такие библиотечные дебри, что однажды заплутался и двое суток не мог найти проход к подъемной корзине». «Ночью, выбившись из сил, Ликург подкладывал под голову подшивки журналов «Современник», «Северные цветы» и тревожно спал, и ему снились третий и четвертый уровни библиотеки, а говорили, что их девять; на восьмом и девятом – книги графоманов. Именно там, стена от тяжести кандалов, пишет сейчас новую историю Октавиан. Кормят ли его? Ликург в ужасе просыпался, и ему начинало казаться, что он никогда не выберется отсюда и сам станет книгой в кожаном переплете и навсегда пропадет в этих книжных горах. Он и на самом деле пропал бы в этом гигантском книжном паноптикуме, но представил себе, какая грызня начнется, что и Солнцу взрываться не нужно – голыми руками дру друга передушат. Все всех... Он ужаснулся, и тут же нашелся нужный проход, он и был-то в двух шагах».

Греко-римский код романа прочитывается в именах персонажей. Конечно, имя Октавиан Второй заставляет вспомнить римского императора Октавиана Августа. Новый император выбирает для себя имя Ликург тоже не случайно. Ликург – один из царей Спарты, изменивший ее государственное устройство, законодатель. Министр Огородничества и Народных Промыслов именуется Публием Изначальным. За излишнее любопытство Публия отправляют служить на далекую космическую станцию. Эта ссылка – комический перифраз ссылки римского поэта Публия Овидия Назона. В огромной библиотеке императора Ликург находит скелеты последних летописцев, которые носят имена Кастор и Поллукс. В греко-римской мифологии это братья-близнецы, сыновья Зевса. Придворный поэт императора носит имя Аристофан, он думает строчками других поэтов, а сам не написал ни строчки. Палач ведет свою родословную от Самсона. Конечно, у императора есть Министр Возмездия, Живущий для Народа, Геракл Третий.

Ирония автора усилена откровенными насмешками самого Императора Ликурга над своими подчиненными. Никто не знает, что уже почти год, как у трона императора установлен мыслеуловитель, благодаря которому он читает мысли министров и Депутатов Высокого Дивана. «Чуть не каждый, услышав от Императора, что тому известны тайные его мысли, падал в обморок, а очнувшись, полз к трону, скуля: «Оклеветали, не так поняли». Потом за страх они служили ревностнее, чем за совесть». Император цинично размышляет о будущем своей администрации: «Больше половины кораблей будут бутафорскими, им не суждено будет вывезти своих пассажиров от гибнущего Солнца. До девяноста процентов чиновников сгорят вместе с Землей. Напрасно они нынче радуются, раздуваются

от гордости, что получили заветные места втайне от всего народа, а нередко и втайне от своих семей. Они никуда не полетят!»

Тридцать первого декабря планируется Великая Сборка. Откуда-то из облаков жители земли постоянно слышат «металлический государственный голос», который сообщает: «Слава Дисциплинарию! Слушайте важнейшее сообщение! Слушайте! Хвала владыке вод и земель, звезд и планет, газовых туманностей Ликургу Шестнадцатому! Его Человеколюбие повелел объявить, что 31 декабря состоится Великая Сборка. Исторический день! Прорыв к всеобщему благоденствию! Каждый должен явиться на сборочную площадку со своими болтами-гвоздями-лобзиками, потому что судьба мира в их трудолюбивых руках! Вместе создадим Ковчеги, вместе шагнем в будущее! Не забудьте – 31 декабря! Не забудьте!»

В главе, носящей библейское название «Исход», описываются тревожные волнения и сборы землян перед отлетом. «За последние месяцы Солнце как будто потяжелело, хмуро смотрело на Землю, ученые опасались, что Сборка и Эвакуация может затянуться, и тогда ничто не спасет планету вместе с Ковчегами. От многого пришлось отказаться. Решено не отягощать корабли знаменитой бесконечной библиотекой... После долгих споров в Диване решено было на первые Ковчеги взять только десять первых жен Императора, конечно же, со всей обслугой. Фото- и видеоархив Империи тоже оставляли на Земле; ничего ценного, по мнению специалистов, в нем нет, все, как на любой заштатной планете: непрерывная стрельба, бесконечные бунты, эпидемии куриного гриппа, – в общем, все легко наживется и на новой планете. Бросали на обреченной Земле и все музыкальные записи, кроме Гимна Империи: не до песен теперь». Лидия Вторая, почетная Подавальщица, говорит императору: «Я видела, что в зале приемов на полу целая россыпь драгоценностей... жемчуг, гранаты, даже на бриллианты люди равнодушно наступают. Примусы стали дороже автомобилей... Вот абсурд!..»

Хаос, атмосфера страха и содом царят не только на земле, но и в подземном городе Майне, куда, преодолевая все трудности, добираются Натаха, Егорий, Артур и Боевая Фиолетовая крыса. Они решают встретиться с искусственным интеллектом Ремембером и задать ему вопрос о судьбе Солнца и Земли: «И все сразу станет ясно – оставаться здесь или удирать с этой планеты поскорей».

В романе много остроумных сцен с фантастическими явлениями персонажей и гротесковыми превращениями. Именно так среди спасающихся от преследователей главных героев появляется Боевая Фиолетовая крыса величиной с сенбернара, продукт генетических экспериментов. Эти крысы владеют боевыми искусствами, делают до шестидесяти выстрелов в секунду, могут набирать на компьютере до трехсот знаков в минуту и находятся на службе безопасности государства. Герои приготовились к смертельной схватке, но крыса вдруг швыряет оружие под ноги и произносит глухим голосом сакральную, как в сказке, фразу: «Возьмите меня с собой. Я пригожусь. Я много чего умею». И, действительно, оказывается чудесным помощником, да еще и философом, потому что поучает: «Молите Создателя, что я перешла на вашу сторону... Мир полон страстей. Сам мир – страсть, так мы всегда готовы подлить в него, как вино в переполненный кубок, еще и еще своих любовей, разводов, расставаний, кажущихся нам роковыми, не замечая, что из кубка уже льется через край... Вы, люди, умеете любить всегда через край, ненавидеть только до зубовного скрежета – инстинкты, заложенные природой, вы для чего-то превращаете в абсурд – с дуэлями, доносами, клятвами, слезами и часто

в итоге с ненавистью... Вы готовы полюбить с полюборота, вы сходитесь друг с другом, как в бою. Вы охотно ставите слово «любовь» в один ряд со «смертью». Вот наш крысиный мир холоден, но прекрасно организован. Поэтому нас больше, чем людей, в нас больше гармонии...»

А вот говорящая огромная «андрагонная золотая рыбка» оказывается коварным союзником. За исполненное желание она берет плату в виде пребывания на галерах. Когда же Артур соглашается на отсрочку, то оказывается куклой, запакванной на 500 лет в прозрачную пленку. Пока коварная золотая рыбка устроилась на отдых у ствола рухнувшего дерева и «храпит, как солдат в казарме», Егор приносит кота. «Так рыба-то в два раза больше кота, – продолжала сомневаться Натаха, – а зубищи у нее какие, ты видел?.. – Разве дело в зубищах? – сказал друг ее детства. – Тут важно, кто кем питается... Ты хоть когда-нибудь слышала, чтобы рыба задрала кота? Не слышала? И не услышишь, потому что рыба существует на свете для котов, а не наоборот, и пусть хоть сто раз она пройдет процедуру андрагонности, и вместо сердца и половых органов у нее будут поставлены шестеренки, все равно кот сожрет ее, или хотя бы сильно надкусит». Как сказал, так и произошло – кот перекусил рыбе хребет и вышиб предохранители, а чары с пленника спали.

На мой взгляд, некоторый переизбыток комического и абсурдного в сюжете снижает драматический и ужасный пафос отдельных сцен и тем самым профанирует социальную перспективу антиутопии. Например, это утомляет при чтении двенадцатой главы, где описывается прилюдная «потешная казнь» на площади перед императорским дворцом двух верных слуг империи. Палач, который хвастается, что он потомок Самсона, предвкушает процедуру юбилейной двухсотой казни и хочет, чтобы она стала «образцово-показательной». Но неожиданно император повелел использовать вместо мучения – яд. Преступникам, техноруку Пахому Пахомычу и бывшей Оберкапо Нине Арнольдовне, предложено выбрать из двух чаш, в одной из которых – вода, в другой – яд. К разочарованию толпы, оба выбирают и выпивают воду, остаются живы и отпускаются на свободу. Сюжетная перипетия, подобная той, которая была в «Приглашении на казнь» В.Набокова, в этом романе не становится идеологемой, а оказывается сюжетной игрой с читателем.

С другой стороны, художественным оправданием изобретательной фантазии автора может служить психологически убедительное описание фантастических странствий пережившей потрясение от несостоявшейся казни Нины Арнольдовны и ее погружение не то в воспоминания, не то в сон, не то растворение в пустоте. «Ничего. Темнота. Безмолвие. И так длится век. Вечность. Секунду. Времени нет. Его и не было никогда. Что для пустоты миллион лет? Миллиард? Тысячи цивилизаций промелькнули, зачем? А жизнь была? Сон про утреннюю зарю, про кактус, расцветший на подоконнике, про девочку, которую разбудил солнечный зайчик? И вдруг где-то принялась отсчитывать дни и годы хриплая механическая кукушка: мезозой, палеозой, наша эра, – в общем, полшестого. В старом доме застрекотал сверчок, старинный жилец, и что он заливается? Подала голос собака по имени Каквас, палец ей в рот не клади, особенно по утрам. И стала рассеиваться мгла. Сначала проколола темноту одна золотая иголочка Солнца, потом десятая, и вот уже золотой дождь рассвета пролился на плечи. И кто-то сказал спросонья: «...в луга поедем, Лев Лупыч, запрягай, опоздали ужо...»

все открылось, все нашло себя: в реке была прохлада – и река, и прохлада были ею, девочкой Ниной из Каменки. И ветер из-за Урала – это тоже она, и горький запах полыни, и уж, живущий под крыльцом деревенского дома, выползающий к дойке Пеструхи – молока попить, – все-все вокруг было ею, и она была всем. Весь мир был растворен в ней, и она была молекулой этого мира».

Именно через это растворение во всем Нина Арнольдовна превращается в фантастическое пятиметровое создание под именем «Ремембер» (видимо, от английского remember – помнить, вспоминать), которое обладает даром предвидения и всезнания. Именно ей/ему, оказавшейся в Майне, задают беглецы вопрос: «Взорвется ли Солнце?» И не получают определенного ответа.

А в это время неказненный Пахом Пахомович продает у ворот Императорского парка, который за глаза называют Вампираторским, свои цепи: «Купите, купите, купите цепь, это самая надежная, самая незаменимая деталь в устройстве мира... Вы все собираетесь в новый мир, но как в нем обойтись без цепей?.. Купите, купите!.. Это воплощенная в чугуна реальность номер два... Вы еще не забыли, что реальность номер один в нашем мире – это жизнь. Если это вообще реальность... А может, цепь – наипервейшая наша реальность? Купите, купите на дорожку цепь!.. А вдруг реальности нет совсем, а?..» Охрана в парке решила положить конец этому концерту. Продавца объявили сумасшедшим, «подошел медицинский транспорт на конной тяге, и Пахом Пахомович был усажен в карету без всякого почтения. А один ефрейтор даже закатил бывшему техноруку в ухо».

Повествователь поясняет, что не знает о дальнейшей судьбе этого персонажа, но читателю объяснили главное – смысл заглавия романа. Роман-пародия, как называет его Г.Доронин, или антиутопия, которую увидела в этом романе я, не просто остроумная фантастическая вещица, хорошо написанная, вычурно выстроенная, наполненная событиями смешными, а местами страшными, – это книга о реальности номер один, смысл которой хочет открыть нам писатель.

Автор романа, несомненно, интеллектуал, и его начитанность проявляется в многочисленных цитатах и упоминаниях разных книг. Эти интертекстовые вкрапления остроумно рассредоточены по полю текста романа. Герои романа, как Паоло и Франческа, читают сказки об Алдаре Косе и роман «Декамерон», стихи из сборника Надежды Черновой «Приди и останься». Ликург цитирует Пушкина, и нам сообщается о выходе его очередной книги афоризмов под названием «Мудризмы». В речи других персонажей тоже всплывают строчки из Данте («Земную жизнь пройдя до половины...»), Пушкина («Я помню чудное мгновенье...»), «Я памятник...» и др.), песен Высоцкого. Отдельные эпизоды романа перемигиваются с такими произведениями мировой словесности, как «Ад» Данте, сказки и «История одного города» М.Салтыкова-Щедрина, повести Н.Гоголя, «Мы» Е.Замятина, новеллы Х.Борхеса, романы Д.Свифта, М.Булгакова, Дж.Оруэлл, О.Хаксли, братьев Стругацких, В.Аксенова, Татьяны Толстой, В.Пелевина и, конечно, книги Ветхого и Нового Заветов.

Тринадцатая глава романа содержит картины приближающегося конца света. «И словно в подтверждение его слов, в небе разлился бледный фиолет, как разбавленные чернила. Солнце, клонящееся к закату, стало почти черным, как при затмении, в короне его что-то заполыхало сразу в нескольких местах. Лица людей стали тоже чернильными, только глаза горели ужасом перед неизвестным и необратимым. Многие вставали на колени, молились, хотя было строго запрещено:

существует Великий Дисциплинарный, он рассудит, защитит, успокоит, при необходимости примет превентивные меры. ... Но люди в последние дни потеряли разум, даже слушать не хотят ни о каком Дисциплинарии. Вспомнили о Боге! Нашлись древние книги, появилось рукописное Слово Божье, причем в один буквально день. Выходит, где-то в подполье сидели сотни, тысячи переписчиков?.. Как это могло пройти мимо тайных служб? Небесный фиолет постепенно растворился, но было ясно, что это не случайно – не свет так упал, не звезды сложились в каком-то неведомом калейдоскопе, а что-то грозное и неотвратимое надвигается на Землю – и еще вернется жуткий фиолетовый закат и вместе с ним что-нибудь пострашнее – много чего ждет впереди где-то проштрафившееся человечество».

Антиутопия Г.Доронина явно кинематографична. Этому можно найти двоякое объяснение. Во-первых, автор обладает ярким визуальным воображением, которое позволяет ему строить драматические, а часто комические диалоги и декорировать мизансцены. Во-вторых, на его стиль оказывают влияние фильмы катастроф, космические эпопеи, блокбастеры с антигероями, которые поддерживают диктаторские режимы, и героями, которые с ними борются. Но, возможно, оба объяснения верны. В конце концов мы живем в эпоху глобализации и испытываем активное воздействие средств массовой информации, новых технологий и визуальных искусств.

Финал романа загадочен. В нем описана катастрофа, но распространяется она на всю Землю или только на надземный мир – неясно. «Солнце вдруг стало распухать, невиданным еще протуберанцем тянуться к Земле. В одно мгновение эта раскаленная солнечная плоть поглотила скорлупки кораблей, они вспыхнули, как спичечные головки, и посыпались на Землю подсолнечной шелухой. – Аааааа! – раздался тысячеголосый вопль, но скоро стих. ... Так для чего тогда пел сверчок? Для чего проливался утренний дождь и сумасшедший жерех вылетал чуть не на метр над поверхностью реки? Для...»

Роман Г.Доронина начинается с упоминания песни сверчка и воспоминанием о ней завершается. Может, этим выражается надежда на то, что она не должна исчезнуть и земной мир будет спасен? Но здесь мы нарушаем границы и чистоту жанра антиутопии и склоняемся в другой жанр – утопию. А это уже не «Реальность номер один».

